Н. А. ОХОТИНА

«Сказание о Валаамском монастыре» — неизвестное сочинение второй половины XVI в.

Валаамский монастырь — один из самых знаменитых на Севере России, но о его ранней истории известно крайне мало. Поскольку житие его основателей Сергия и Германа не сохранилось (или не существовало. Не путать с «Валаамской беседой», которая в ряде списков ошибочно называется «Житием Сергия и Германа Валаамских»), то даже в вопросе о времени основания монастыря, жизни его подвижников и перенесении их мощей в литературе можно встретить датировки от IX до XV в. Отсутствие источниковой базы, с одной стороны, и высокий авторитет монастыря, с другой стороны, создали почву для того, чтобы многие святые, судя по тексту их житий, оказались связанными с Валаамом (Авраамий Ростовский, Корнилий Палеостровский, Арсений Коневский, Савватий Соловецкий, Ефросин Синоезерский, Афанасий Сяндемский, Адриан Ондрусовский и др.), а в начале XIX в. породили серию фальсификаций А. И. Сулакадзева, самая значительная из которых — «Оповедь» — «восполняла» пробелы в начальной истории монастыря.

Историография Валаамского монастыря XIX в. достаточно велика по объему, но очень скудна и однообразна по содержанию. Отсутствие источниковой базы отпугивало от изучения истории обители серьезных исследователей, так что приходится иметь дело в основном с брошюрами, книжками и рукописными сочинениями XIX в., написанными дилетантами, некритически относившимися к любым сведениям, попадавшим к ним в руки.[1] Наиболее яркие страницы в валаамской историографии связаны с именем Сулакадзева, который, решив «создать» историю Валаамского монастыря, подошел к этому делу творчески. Для достижения своей цели он разработал целый комплекс мер: сначала в некоторых рукописях он сделал приписки, которые должны были свидетельствовать о большой древности монастыря (в частности, о перенесении мощей Сергия и Германа из Новгорода в 1050 г. «в третий раз»),[2] после чего сочинил «Оповедь», преподнеся ее валаамским старцам в качестве любезно сделанного перевода на современный язык с древней рукописи, якобы бывшей в его распоряжении

[1] Основную библиографию см.: Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 1, № 95; Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.

[2] Подробнее об этом см.: Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 44—101.

© Н. А. Охотина, 1993.

(большой текст Сулакадзев не решился писать по-древнерусски и выдавать за подлинный).[3] Создав таким образом «источниковую базу», Сулакадзев на ее основе написал историческое сочинение по ранней истории Валаама «Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря», по неизвестной причине оставшееся неопубликованным (рукопись этого произведения хранится в Ново-Валаамском монастыре в Финляндии).

Если в первой половине XIX в. все писавшие о Валааме основывались на сведении жития Авраамия Ростовского о существовании монастыря уже в 960 г.,[4] то после обнародования «Оповеди» возобладало господство «сулакадзевской версии» в популярной литературе. Правда, историки (В. В. Зверинский, Н. П. Барсуков, П. М. Строев, Е. Е. Голубинский) ее попросту проигнорировали, зато «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона увековечил именно этот вариант. Тем не менее на протяжении всего XIX в. продолжались целенаправленные поиски древних источников по ранней истории Валаама, не увенчавшиеся тогда успехом.

Большой интерес к истории Валаамского монастыря наблюдается сейчас за рубежом, в первую очередь в Финляндии. Горячая полемика ведется по поводу времени основания монастыря. Часть ученых во главе с Х. Киркиненом отстаивает версию об основании монастыря в XII в., их оппоненты во главе с датским исследователем Дж. Линдом настаивают на XIV в.[5] (нельзя не признать, что сторонники второй теории выдвигали более серьезные аргументы). Можно сказать, что итог истории изучения Валаамского монастыря и состояния источниковой базы до введения в научный оборот «Сказания о Валаамском монастыре» подвела вышедшая недавно книга А. М. Спиридонова и О. А. Ярового.[6]

Ответы на многие вопросы (при этом, правда, порождая и новые проблемы, требующие разъяснения) дает неизвестное ранее произведение под названием «Сказание кратко о создании пречестныа обители боголѣпнаго Преображениа Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа на Валамѣ. И отчасти повѣсть о преподобных святых отець тоя же обители началник Сергиа и Германа. И о принесении святых мощей их», которое является не только ярким памятником древнерусской литературы второй половины XVI в., но и ценным историческим источником. Список этого произведения (современный его написанию и единственный известный в настоящее время) находится в Отделе рукописей ГБЛ (ныне — Российская государственная библиотека), собр. Разумовского, № 73, в составе сборника-конволюта. Это название входит в опубликованную роспись содержания сборника,[7] но осталось незамеченным и не привлекло внимания ученых. Рассматриваемый сборник — конволют из четырех рукописей, в 4°, на 121 л., бо́льшую часть

---

[3] Текст «Оповеди» опубликован в кн.: Валаамский монастырь. СПб., 1864. С. 4—5.

[4] Как сейчас известно, эта редакция жития возникла не раньше второй половины XVI в., а в списках известна начиная с XVIII в. (См.: Буланина Т. В. Житие Авраамия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. (Вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А—К. С. 237—239).

[5] См.: Kirkinen H. 1) Karjala idän kultturipiirissä. Helsinki, 1963; 2) Karjala idän ja lännen välissä. Helsinki, 1970. Vol. 1; 3) Finland in Russian Sources up to the Year 1323 // Scandinavian Journal of History. 1982. Vol. 7. N 4. P. 255—275 и др.; а также: Lind J. 1) Hvornar blev Valamo klosteret grundlagt? // Historisk Tidskrift för Finland. 1979. P. 234—261; 2) Sources and Pseudo-Sources on the Foundation of the Valamo Monastery // Scandinavian Journal of History. 1986. Vol. 11. N 2.

[6] Спиридонов А. М., Яровой О. А. Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия. М., 1991.

[7] В описании листы, на которых помещается Сказание (л. 87—108), датируются началом XVII в. суммарно с последующими листами, хотя приводятся филиграни (60-х гг. XVI в.), находящиеся именно на л. 87—108 (Собрания Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского. Описания / Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1960. С. 99—100).

которого занимают песнопения из служб отдельным святым и праздникам на крюковых нотах (кон. XVII в., л. 1—82). В конце к певческой рукописи приплетены: Слово похвальное Кириллу и Мефодию (без конца; перв. пол. XVII в., л. 83—86); наше Сказание (л. 87—108); Житие Антония Римлянина (отрывок, кон. XVI—нач. XVII в., л. 108—121 об.). Переплет середины XIX в. — доски в тисненой коже (подражание древнему), в средник вклеен фрагмент кожи переплета конца XVII (?) в. В конце всей рукописи приплетен 21 чистый лист с белой датой 1833 г. Скорее всего, именно в это время и был составлен конволют.

На л. 87—108, которые занимает текст Сказания, водяной знак — рука в рукавчике с фестонами под короной. Ближайшие аналогии — Лихачев, Вод. зн., № 1861 (1563 г.), 1847—1849 (1562 г.), 1874 (1567 г.), 1903—1907 (1567 г.); Брике, № 10930 (1551 г.); точнее идентифицировать филигрань невозможно из-за плохого качества бумаги. Таким образом, по бумаге и палеографическим признакам список можно датировать 60—70-ми гг. XVI в.

Листы при переплетении были обрезаны, но сохранилась нумерация 2-й и 3-й тетрадей кириллической цифирью рукой писца (на л. 94 и 102 соответственно «В» и «Г»). Следовательно, Сказание переписывалось отдельно, как самостоятельное произведение, и занимало три тетради; первая и последняя тетради состоят из 7 листов — утрачены защитные листы (текст сохранен полностью). Многие листы у корешка подклеены; на одной подклейке — нечитаемая запись скорописью более позднего времени. Стертая (или выскобленная) запись скорописью XVII в. — на нижнем поле л. 87 (около 5 букв). Последний л. 108 в уцелевшей своей части плохой сохранности, с небольшими утратами текста; он обрезан сразу по окончании текста (оборотная сторона чистая) и подклеен бумагой с литерами «ШФ» (Ср.: Клепиков, Филиграни и штемпели, с. 69 — 1810 г.).

Текст Сказания написан одним почерком — полууставом второй половины XVI в. с курсивными элементами. Вся редакторская правка сделана тем же почерком. Оформлена рукопись бедно — она совершенно не орнаментирована, отсутствует внутреннее членение текста с помощью киновари; только перед каждым из чудес оставлены чистые места для киноварных букв. К некоторым словам рукой писца на полях приведены синонимы (редакторская правка ?) — при этом слово в тексте не зачеркивается, а отмечается специальным значком — рядом галочек (в публикации синонимы даются в квадратных скобках после основного слова).

Распространиться это произведение в большом количестве списков, видимо, не успело, так как уже в конце 70-х гг. XVI в. Валаамский монастырь подвергся первому нападению шведов, а в 1610 г. был разорен окончательно и восстановлен только в петровское время.

В Сказании можно выделить следующие композиционные части: 1) Введение, в котором рассказывается о справедливом по Божьему устроению расселении народов и дается характеристика одного из них — «бесослужительной корелы»; в связи с этим описывается география северо-запада Руси и особенно подробно — Ладожского озера. Сюда же включена легенда о посещении этих мест апостолом Андреем. 2) Основная часть повествования хронологически делится на два больших пласта. Первый охватывает основание Валаамского монастыря и первые годы (или десятилетия ?) его существования; здесь же рассказывается о его порядках и святых подвижниках, связанных с монастырем. Далее события сразу переносятся во время, современное автору, — это рассказ о перенесении мощей Сергия, который является кульминационным моментом всего Сказания. Если эти вехи принять за «начало» и «конец» временнóй шкалы Валаамского монастыря, то посередине автор смог поместить сообщение только об одном

конкретном событии — крупном пожаре в монастыре. 3) Сказание традиционно завершается «чудесами». Их здесь три — по существу это небольшие новеллы из монастырской жизни, в которых бытовая, событийная сторона оттесняет на второй план элемент чудесного. Все три чуда хронологически примыкают к рассказу о перенесении мощей (современны ему) и даются в хронологической ретроспекции.

К сожалению, никакой информацией об авторе Сказания мы не располагаем. Можно сказать лишь, что какое-то время он жил в монастыре, но вряд ли был его монахом. Об иноках монастыря автор говорит в 3-м лице, ни разу не употребив слова «мы», «наша обитель». О его же пребывании на Валааме свидетельствуют насыщенный мелкими подробностями рассказ о перенесении мощей Сергия, ссылка на источник информации о чудесах Сергия и Германа: «От таковых самѣх усты ко устом слышах...» (л. 103 об.) и фраза «юже сам от самого сътворшагося о нем слышах» (л. 104) в чуде 1-м. То, что чудеса написаны тем же человеком, что и весь текст, сомнений не вызывает. Наконец, описание природы Ладожского озера принадлежит человеку, не только хорошо знавшему, но и любившему эти места.

Автор — несомненно человек образованный, книжный. Об этом свидетельствует его эрудиция и яркий, образный стиль речи. Интересно, что он довольно редко прибегает к прямым цитатам из Священного Писания, но зато оригинально осмысливает и использует библейские образы. Про новопоставленную церковь он пишет: «...яко древняя она куща меж полки Израилевыми въдружена, всѣм видима, яко солнце луча красоты испускает» (л. 93). Для названия острова автор изобретает совсем неожиданную этимологию: «Кто же не удивится Божии пресилной премудрости — откуле тѣм диким людем (т. е. кореле. — *Н. О.*) вложено есть перьскаго древняго языка именование: Валам нарицаху остров той, ниже в их языце отнюдь таковое речение обрѣтается» (л. 89 об.). И далее: «...яко да Валам мѣсто то именуют в образ древняго лестца и пророка Валама, иже неволею превратися язык его на благословение древнему Израилю, сице бо и здѣ бысть, егда преже именованнаа бесодохновеннаа Корѣла с мнозѣм своим скверным вълхвованием в том островѣ живяху» (л. 90). Как пример употребления диалектизмов в языке автора Сказания можно привести слово «салма» (л. 89 об.) — «корельское: пролив морской, проран меж берега и острова, или меж островов; олонецкое: залив, губа» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 130).

Свой вклад вносит автор Сказания и в дальнейшую разработку апокрифа о посещении Руси апостолом Андреем: «И Невским величайшим езером пловый, на Корѣлскыа страны к сиверу възрѣв, сице рек, яко новыа Хананеи безбожнии языцы вълхвы жителствуют там, но обаче два свѣтила просвѣтятся в них. Се же, глаголют, прорек апостол Христов о пречестных и великых обителех Валамѣ и Коневце» (л. 88—88 об.). Здесь источниками послужили, во-первых, летописи, церковная служба и богослужебные книги (например, прологи), где говорится о посещении Андреем Новгорода, во-вторых, местная монастырская легенда, которая была зафиксирована на Валааме даже в XIX в.[8] В эпоху Ивана Грозного апокриф об Андрее Первозванном, который воспринимался как креститель Руси, становится очень популярным, поэтому неудивительно, что валаамская легенда «завела» его из Новгорода на Ладожское озеро. Интересно, что эту же легенду

[8] См.: Чистович И. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856. С. 15.

использовал при написании своей «Оповеди» А. Сулакадзев, но довел ее до гротеска: «Св. Андрей от Иерусалима прошел Голяд, Косог, Родень, Скеф, Скиф и Словен смежных лугами, достиг Смоленска, и ополчений Скоф и Славянска Великого и Ладогу оставя, в лодью сев, в бурное вращающееся озеро на Валаам пошел, крестя повсюду и поставлял по всем местам кресты каменные».[9]

Сюжет об Андрее Первозванном носит характер вставки в обстоятельное описание географии региона. Описание построено по принципу «воронки»: сначала охватывается вся территория расселения «чюдского языка», затем автор переходит к более детальному рассказу о гидронимии, топонимии, флоре и фауне Ладожского озера и, наконец, — к Валааму и прилежащим островам. Все данные о направлении течения рек и системе сообщения водных бассейнов при сверке их с современными картами и справочниками оказались удивительно точны. Настораживает, на первый взгляд, только одна фраза: «Немецкых же стран множество водное от сивера Узярвою рекою в то же езеро входять» (л. 89). Имеется в виду современная река Вуокса, впадающая в Ладожское озеро не с севера, а с запада, к тому же южнее самого Валаама. Однако на средневековых картах и эта река и г. Корела показывались действительно севернее озера (см., например, «Карту Московии Антония Вида — И. В. Ляцкого» 1542—1555 гг.[10] и «Чертеж ветхой городам русским и шведским до Варяжского моря» 1650—1656 гг.[11]). С другой стороны, фраза могла принадлежать новгородцу, глядевшему на озеро с юга. Можно понять это выражение и следующим образом: через Узярву втекают воды северного бассейна, что соответствует действительности. В «географической» части Сказания автором найдено удачное соотношение между фактологической точностью и поэтичностью описания природы (например, сравнение малых островков вокруг Валаама с лежащими хлебами и цыплятами рядом с «кокошью» — л. 89 об.), которая вызывает ассоциации со «Словом о погибели земли Русской».

Сложен вопрос об источниках, которыми мог пользоваться автор при составлении этого описания. Первой — более общей — части описания можно подобрать хотя бы отдаленные аналогии в летописях.[12] По поводу же характеристики Ладожского озера и Валаамских островов можно предложить только следующее объяснение: цифровые данные могли браться из дорожников, а остальная информация принадлежит уже к сфере «устного знания». Отметим, однако, что все известные древнейшие дорожники были очень «мелкомасштабны», если можно так выразиться, не отличаются большой точностью и столь подробных данных никогда не давали.

С географическим описанием тесно связаны и рассуждения автора о коренном населении — кореле, основная идея которых заключается в том, что логика исторического развития приводит к торжеству божественной мудрости, просиявшей и на тех землях, где жили закоренелые язычники.

---

[9] Валаамский монастырь. С. 4.

[10] Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV—начала XVI века. М., 1974. Вклейка 2.

[11] Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на русской карте сер. XVII века // Вопросы географии. М., 1950. Т. 20. С. 288—289. Кстати, на этой же карте показана ширина входа в Ботнический залив («Каенскую губу») — 60 верст (тот же размер приводится и в Сказании).

[12] Сравни, например, обзор гидрографии Пермской земли в Никоновской летописи: «Река же пръваа, именем Вым, впаде в Вычегду; другаа река Вычегда, обходящи всю землю Пермьскую, потече в северную страну и впаде в Двину ниже Устьюга 40 верст...» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 165). Б. А. Рыбаков считает, что при составлении таких описаний летописцы делали выписки из несохранившегося географического словаря конца XIV в. (Рыбаков Б. А. Русские карты Московии... С. 12), хотя доказать эту гипотезу невозможно.

Здесь автор следует прочно укрепившейся традиции именовать чудь и корелу «бесослужительными волхвами».

Перейдем к рассмотрению хронологии Сказания. Во-первых, о времени основания монастыря. При изложении истории Валаамского монастыря автор Сказания пользовался в первую очередь местными преданиями, поэтому, несмотря на его стремление к точности, конкретных дат он не называет. Тем не менее его косвенные указания помогают ее хотя бы приблизительно установить. История основания монастыря выглядит следующим образом: на Валаам приходят двое «святоученных священых инок от Великого Новаграда» — Ефрем (будущий Перекомский) и Сергий. Поскольку большой остров был заселен корелой, старцы поселяются на соседнем небольшом, но высоком островке в пещере и строят вскоре церковь Преображения. Судя по описанию островка — это тот, который в новое время стал называться Святым и где находилась часовня Александра Свирского, а пещеру связывали с именем этого святого.[13] Однако в XIX в. было известно и наименование «Старый Валаам» применительно к Святому острову,[14] а путешественник, посетивший Валаам в 1777 г., передает сведения о том, что в данной пещере жили Сергий и Герман, а не Александр Свирский.[15] Вскоре «предреченный же началник старець Ефрем от мѣста того отходить, Богу хотящу на Илмене Перековскую обитель създа...» (л. 91). Вслед за ним едет в Новгород к архиепископу и Сергий, «о строении манастырском усердие имѣа, и о просвещѣнии оныа тмошественыа заблуджшиа Чюди вельми печашеся» (л. 91—91 об.). В задачу Сергия входило, во-первых, заявить о создании нового монастыря в Новгородской епархии, во-вторых, получить разрешение на переселение увеличившейся братии на большой остров. Для достижения этой цели требовалось не только благословение архиепископа, но и помощь в изгнании корелы с острова. Занять остров удалось только при помощи военной силы. Датировать эти события можно благодаря упоминанию имени владыки Иоанна, который занимал новгородскую кафедру в 1388—1415 гг. Видимо, источники, которыми пользовался автор, сохранили только имя архиепископа, но не сохранили точной даты основания монастыря, поэтому автор вынужден был прибегнуть к следующей справке, почерпнутой из летописи: «...Иоан достопаметный, иже възведен бысть на великий престол Великого Нова града в лѣто 6896, и на двадесят семь лѣт церковь Божию окорми» (л. 91 об.). Имя архиепископа Иоанна могло сохраниться и на каком-либо церковном предмете, например антиминсе или водружальном кресте. Известны образцы надписей на них из церкви Рождества Христова в Новгороде (после 1491 г.)[16] и надпись 1575 г. на антиминсе из Никольской церкви под Каргополем,[17] в которых указывались год освящения церкви и имя владыки, при котором оно произошло. Древнейший антиминс Нифонта 1148 г. опубликован Б. А. Рыбаковым.[18] Если на каком-то церковном предмете в Валаамском монастыре было имя владыки Иоанна (к сожалению, без даты), то становится

---

[13] ГБЛ, собр. Дурова, № 17. Иеромонах Мисаил. Историограф Валаамского монастыря, или Разыскание о его древности и показание настоящего его положения. 4°, 1811 г., л. 2 об., 15—15 об.; И [вановский] Я. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. СПб., 1882. С. 11.

[14] Вяземский П. П. Монастыри на Ладожском и Кубенском озере. СПб., 1881. С. 19.

[15] Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова. СПб., 1888. С. 44.

[16] Русский феодальный архив. М., 1987. Т. 3. № 27. С. 670—671.

[17] Амосов А. А., Бубнов Н. Ю. Новые поступления в Отдел рукописей Библиотеки АН СССР в 1955—1976 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978. С. 333—334.

[18] Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964. Табл. 42.

легко объяснить, почему его имя (или имя другого Иоанна) оказалось прочно связанным в литературной традиции с Сергием и Германом (см. далее).

Несколько сузить эту датировку можно попытаться, исходя из биографии Ефрема Перекомского (варианты: Перековского, Перекопского). Вообще появление его имени в Сказании несколько неожиданно, поскольку ни в одном из источников имя Ефрема Перекомского с Валаамом никак не связывается. Видимо, и здесь автор пользовался местным монастырским преданием. Косвенным аргументом в пользу достоверности этого сведения может служить именно тот факт, что для Сказания сюжет с Ефремом — второстепенный, периферийный, следовательно, в вымысле не нуждающийся. Однако сложность привлечения данных биографии Ефрема к уточнению даты основания Валаамского монастыря заключается в том, что житие Ефрема, написанное предположительно его учеником Романом около середины XVI в., крайне компилятивно и малодостоверно как исторический источник, поскольку представляет собой лишь слегка измененный пересказ жития Александра Свирского.[19] По тексту жития, Ефрем родился в 1413 г., основал Перекомский монастырь на р. Веренде в 1450 г. и умер в 1492 г., никогда не быв на Валааме.[20] В. О. Ключевский, не доверяя сведениям этого источника, называл годом смерти Ефрема 1523 г., хотя сам же приводил сведения о Ефреме, указывающие на конец XIV—первую половину XV в. Однако в Новгородской III летописи сохранилось известие под 1407 г.: «...постави владыка Иоанн Новгородский церковь каменну святаго Николая чудотворца на Веренде, и монастырь устроиша».[21] Это противоречие В. В. Зверинский, в частности, пытался объяснить тем, что монастырь был основан архиепископом Иоанном в 1407 г., но вскоре заглох и был позже возрожден Ефремом.[22] Но, как мы видим, наше Сказание помогает пролить свет и на историю Перекомского монастыря, который, вероятнее всего, был основан все-таки в 1407 г.[23] Ефремом при владыке Иоанне. Если принять это допущение, то получается, что на Валаам Ефрем и Сергий пришли незадолго до 1407 г. (но не ранее 1388 г.), а официальный статус монастырь обрел между 1407 и 1415 гг.

Второе важнейшее событие в жизни монастыря — перенесение мощей Сергия из Новгорода на Валаам — также не имеет точной даты, но уже по другой причине: «...иже убо бысть в дни наша и всѣмь вѣдомо есть таковое» (л. 98 об.). За благословением на перенесение мощей валаамский игумен Пимен обращается к новгородскому архиепископу Феодосию (1542—1551 гг.) и митрополиту Макарию (1542—1563 гг.); упоминается при этом и «царь Иоанн», но на этом основании сужать датировку представляется некорректным, так как автор в 60-е гг. XVI в. мог постфактум употреблять этот титул применительно к Ивану Васильевичу и до 1547 г. Таким образом, перенесение мощей датируется в пределах 1542—1551 гг. и скорее всего — концом этого периода, а не его началом. Аргументами в пользу конца

---

[19] См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 263; Соколова Л. В. Роман // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. (Вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л—Я. С. 311—313.

[20] ГБЛ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 45. Служба и житие Ефрема Перекопского. XVIII в. 4°, 98 л., л. 22 об.—66 об.

[21] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 234.

[22] Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования... СПб., 1897. Т. 3. № 1483.

[23] Охотина Н. А. О времени основания Перекомского монастыря и авторе Жития Ефрема Перекомского // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации. Тез. докл. и сообщ. региональной научной конференции 28—30 мая 1991 г. Архангельск, 1991. С. 136—138.

40-х гг. могут служить следующие наблюдения: 1) за время с 1540 г. до перенесения мощей на Валааме сменилось три игумена — Исайа, Кирилл, Пимен (см. далее); 2) Житие Александра Свирского, написанное в 1545 г. Иродионом и довольно много рассказывающее о Валаамском монастыре, ничего не говорит о его святых основателях — вероятно, если бы к этому времени Сергий и Герман были канонизированы (что произошло одновременно с перенесением мощей), то Иродион не обошел бы их молчанием; 3) деятельность Пимена по прославлению валаамских святых могла быть вызвана общей активизацией канонизационных процессов под влиянием Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. Известно, что на этих соборах Сергий и Герман канонизированы не были, и остается не совсем ясным, о каком соборе говорится во фразе: «Съвершаеть же ся славное ихь святое събрание в паметь имь месяца сентебря 11 день по повелѣнию святого священнаго събора, в нь же день мощи святого Сергиа в манастырь принесоша» (л. 103). То, что называется день памяти преподобных, указывает на то, что они были официально причтены к лику святых (хотя бы и местно) если не к моменту перенесения мощей Сергия, то во всяком случае ко времени написания Сказания.

Не дает точной даты и известие о пожаре в монастыре, так как автор сам высчитывает его приблизительно: «...яко бы от създаниа манастыря лѣт 100 и вяще...» (л. 95 об.); Герман же пролежал в церкви от пожара до перенесения мощей Сергия «вяще 40 лѣт» (л. 96). Следовательно, отрезок времени от основания монастыря до перенесения мощей занимает около 140—150 лет, что совпадает и с нашими расчетами. Известна жалованная грамота, выданная великим князем Василием Ивановичем валаамскому игумену Иоакиму в 1507 г.,[24] — не появилась ли она в результате жалоб погорельцев?

Из трех чудес два наиболее интересных и содержательных даты не имеют. Чудо 2-е рассказывает о строительстве в монастыре при игумене Пимене до перенесения мощей и называет несохранившиеся монастырские постройки, о которых стало известно благодаря явлению Сергия «благочестивому мужу Федору». Чудо 3-е относится ко времени еще более раннему и описывает конфликт между братией и игуменом Кириллом, разбиравшийся на владычном суде.[25] Это событие могло произойти не ранее 1540 г., так как известна жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича строителю Валаамского монастыря Исайе, датируемая 11 марта 1540 г.[26] Лишь чудо 1-е, хронологически самое последнее, датировано точно — 1556 г. Поскольку действующее лицо этого чуда — Андрей Гаркуев — в благодарность за свое исцеление проработал на Валааме два года, то можно предположить, что Сказание было написано вскоре же после 1558 г.

Вернемся к сюжетной стороне Сказания — ведь, несмотря на малое количество дат, оно достаточно богато событиями и информацией. Начальной истории монастыря мы уже коснулись, говоря о времени его основания. Непростой видится судьба Сергия в дальнейшем. Монастырь быстро вырос на новом месте, были выстроены церкви Рождества Христова с трапезной и Преображения с приделами Иоанна Богослова и Николая Чудотворца и ограда. Но «лукавый диавол нѣкых неутверженных в разумѣ от инок обрѣтаеть, на вражду святому и великому игумену Сергию въздвизаеть»

---

[24] РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1095—1097, № 255.

[25] Такая практика известна, в частности, по нескольким грамотам новгородских архиепископов, в которых предписывалось для судебного разбирательства в конфликтных ситуациях и игумену и монахам являться в Новгород (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 94, 97, 100).

[26] РИБ. Т. 2. Стб. 1097—1099, № 256.

(л. 94—94 об.), и Сергий вынужден был отречься от игуменства и уйти сначала в пустынь тут же на острове, а затем в Новгород, а игуменом становится Герман.

Интересен и загадочен новгородский период жизни Сергия. Он поселился в монастыре Иоанна Богослова, «и тако ту жителствуя тружаяся, священыа святыа книгы пиша в просвѣщение вѣрным, да яко зѣло преславно быти его трудолюбное писание, за лежащую в немь пучину божественыа философиа. Даже и доселе писанные его книгы в манастыри том съблюдаются, ихь же нарицають „Сергиев перевод“» (л. 95). Здесь же «у церковных стен» Сергий и был похоронен. В рассказе о перенесении мощей сообщается и такая любопытная подробность: настенная роспись с изображением Сергия. Судя по контексту Сказания, Богословский монастырь находился или в самом Новгороде, или в его ближайшем пригороде. В Новгороде в это время известен только один монастырь, более или менее подходящий на эту роль:[27] на Торговой стороне на р. Витке находился монастырь Иоанна Богослова, основанный в середине XIV в.; каменная церковь (самая маленькая среди всех новгородских), существующая и поныне, была выстроена в 1383—1384 гг.[28] В. Л. Янин считал этот монастырь женским,[29] однако из летописной записи 1528 г. следует, что женским монастырь стал только с этого года, а до того был смешанным.[30] Тогда становится понятным, почему в тексте Сказания в 40-е гг. XVI в. могилу Сергия показывает старец монастыря — видимо, он жил там до 1528 г. Не совсем понятно, были ли в этой церкви росписи. В новое время их не было, стены были изнутри побелены,[31] но современные реставрационные работы выявили следы росписи в одной из ниш.[32] Таким образом, можно предположить, что последние годы своей жизни Сергий провел в смешанном Витковском Богословском монастыре — монастыре маленьком и не очень известном.

Характер вставки в текст носит сюжет, названный «Законом монастырским», изложенным Сергием (л. 93—94). Видимо, автор Сказания включил в свой текст готовое произведение, пересказав его своими словами.[33] Здесь в сжатой, концентрированной форме излагаются нравственные правила жизни валаамских монахов. Правила эти, несомненно, общежительные и проповедуют полное равенство «от игумена даже и до последняго белца и до пастыря». Сравнение этого «Закона» с известными древнейшими уставами общежительных монастырей (Ефросина Псковского, Иосифа Волоцкого, Корнилия Комельского, Герасима Болдинского) показывает, во-

---

[27] В Новгородской земле вообще было мало церквей, посвященных этому святому. Существовал Богословский монастырь на Черменце озере, но он не подходит из-за дальности расстояния. Еще одна церковь Иоанна Богослова была построена в 1439 г. в Вяжищском монастыре архиепископом Евфимием и имела росписи (сам монастырь был основан в 1411 г.) (см.: Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 596), но во всех источниках монастырь называется Никольским Вяжищским.

[28] См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 379, 380.

[29] Янин В. Л. Грамоты Антония Римлянина и их датирование // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 54—55.

[30] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 285.

[31] Макарий (Миролюбов). Археологическое описание... С. 354.

[32] Шуляк Л. М. Памятники архитектуры Новгорода. Церковь Иоанна Богослова на р. Витке XIV в. Новгород, 1959. С. 9.

[33] В житии Павла Обнорского устав также назван «Законом монастырским», правда не в его заглавии, а дальше в тексте, — из этого можно заключить, что это не официальное название (ОР ГБЛ, ф. 178, № 8188, Минея Четья на январь, 1147 л., 1°, втор. пол. XVI в., л. 275 об.—333 об.).

первых, что «Закон монастырский» Сергия не является монастырским уставом в общепринятом смысле, так как выражает не столько букву, сколько дух общежительства и шире — христианских норм жизни. Так, основной пафос общежительных уставов — детальное нормирование иноческой жизни, предусматривающее все возможные нюансы выполнения молитвенного правила и посещения церкви: соблюдение иерархии и строжайшая дисциплина; постоянно подчеркивается обязательность беспрекословного подчинения настоятелю. В «Законе монастырском» же эти вопросы практически совсем не рассматриваются, во всяком случае — не являются главными, а на первый план выступает аскеза, равенство, подчинение плотских потребностей духовным. Во-вторых, по сравнению с общежительными уставами «Закон монастырский» Сергия выглядит более «радикальным», если можно так выразиться, например, в вопросе о принятии в монастырь без вклада. Как известно, только Стоглавый собор принял пункты о принятии постриженников без вкладов (как и о совместной трапезе игумена и всей братии), так что в этом Валаамский монастырь опередил многие другие обители. Отличие проявляется и в отношении к провинившимся:

Устав Корнилия Комельского	*«Закон монастырский» Сергия*
«Аще ли же кто имет нечто от общаго жития и чина разоряти, тому вси единодушно возбраняйте и запрещайте. Аще ли не исправится, прочее из монастыря изгоните таковаго, яко уд гнилый и непотребный, да и прочии страх имут не преступати устава монастырского».[34]	«Непокоривых же бесчинник мучити никако же повелѣно, хлѣб таковому подав в целомудрие ему, и тако из манастыря изсылати, да не прочии ему поревнують по реченному слову, яко „мал квас все вмѣшение квасит“» (л. 94).

Пожалуй, смыкается валаамский «Закон» с уставами других монастырей только в требованиях к умеренности и ограничениях в пище и в одежде, но это является общим местом в монастырской литературе. Заслуживает внимания и тот факт, что «Закон монастырский» Сергия не обнаруживает никаких аналогий (ни смысловых, ни тем более текстологических) с «Валаамской беседой», хотя посвящены они одной теме — нормам монашеской жизни.

Трудно сказать, действительно ли «Закон монастырский» был сочинен самим Сергием или же авторство приписано ему более поздней традицией. Известно лишь, что Валаамский монастырь пользовался устойчивой репутацией обители с древними общежительными устоями, хотя как общая мера общежительство утвердилось в новгородских монастырях с начала XVI в.[35] Отголоски памяти о «Законе монастырском» можно встретить, на наш взгляд, в грамоте новгородского митрополита Варлаама от 23 мая 1592 г. в Дымский монастырь валаамским старцам: [36] «...и вы б, и соборные старцы, и вся братья и слугы, жили в том манастыре у Онтонья Великого на Дымех, по чину манастырскому, во всем манастырском житье благочинно, смирно и безмятежно, по преданию отеческому и *по закону прежних своих Валамских начальников Сергия и Германа, общежительством, каков закон и начало их положено было изстари в Валамском манастыре*; а нынеча по тому ж бы есте, в том манастыре на Дымех,

---

[34] Цит. по: Амвросий. История Российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 696.

[35] Никитский А. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 190.

[36] После очередного шведского разорения братия монастыря переселилась в Антониев Дымский монастырь, но сохранила свою структуру, автономию и наименование «валаамских старцев».

закон не разорили, но исполнили по всякому благочинью, и жили б есте в согласие вся братья и слуги, вкупе, единомышлено и меж себя в послушание, и манастырское содевали по совету с собору всей братьи, а без брацкого совету никоторой бы у вас старец, ни слуга, в манастыре не действовали, община б у вас была по прежнему, и платеную одежу и обувь братье и слугам, всякому человеку манастырскому, давали по старине из манастырские казны...».[37]

Автор Сказания постоянно подчеркивает значение и роль Валаамского монастыря в религиозной жизни региона и в доказательство приводит сведения о трех святых — основателях монастырей, которые получили благословение на Валааме. Двое из них — Савватий Соловецкий и Александр Свирский — широко известны, и в житиях их отмечена связь с Валаамом. К тому же оба они, как и Ефрем Перекомский, к моменту написания Сказания уже были канонизированы на Макарьевских соборах.[38] Сложнее обстоит дело с третьим из перечисленных монастырей и его основателем: «...Сава, иже на Сеннянском острову чюдную ону и духовную пустыню съгради въ имя пресвятыа животворящиа Троицы, ему же в създание поможе христоименитый государь великый князь Иван Иванович, брат великого князя Васильа Ивановича всеа Руси» (л. 96 об.). Савву Сказания следует отождествлять с Саввой — автором полемического антиеретического произведения «Послание на жидов и на еретики», написанного в 1488 г., адресованного боярину Дмитрию Васильевичу Шеину и направленного против появившейся в эти годы в Новгороде так называемой ереси жидовствующих.[39] Во вступительной части послания он именует себя «иноком Сенного острова». Сочинение это носит компилятивный характер (в основном большие цитаты из Палеи) и о личности его автора никаких сведений дать не может, а в других источниках имя Саввы Сеннянского не встречается. Поскольку автором Сказания он называется в одном ряду с Савватием Соловецким и Александром Свирским, можно понять, что и он воспринимался как святой. Возможно, перед нами пример местночтимого подвижника, никаких следов памяти которого не сохранилось или пока не удалось найти.

Время основания малоизвестного Троицкого Сенного монастыря можно установить благодаря упоминающемуся в Сказании имени великого князя Ивана Ивановича Молодого. Сын и соправитель Ивана III, он родился в 1458 г., умер в 1490 г., а титул великого князя носил с конца 70-х гг. XV в.[40] О деятельности этого князя по устройству монастырей ничего не известно, тем более что через свою жену Елену Волошанку он был связан с кругами жидовствующих, не признававших института монашества,[41] да и Ладожское озеро никогда не входило в состав его владений. Таким образом, роль Саввы в борьбе с ересью жидовствующих и его связи с великим князем Иваном Ивановичем Молодым и боярином Шеиным еще ждут своего изучения и истолкования.

Сведений о Троицком Сенном монастыре в источниках мало: он упоминается в Записи о ружных церквах и монастырях в Новгородских

---

[37] АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 236. С. 452—453. Курсив мой. — Н. О.

[38] Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 100, 104.

[39] Послание инока Саввы на жидов и на еретики / Предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1902. Кн. 3. Отд. 2. С. 1—94.

[40] Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 22—43.

[41] См.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 66—89.

пятинах, составленной в 1577—1589 гг.;[42] известны две выданные ему новгородскими архиепископами тарханные грамоты, в которых говорится о шведском разорении (игумену Пимину 1581 г. и игумену Варлааму 1592 г.).[43] Но можно предполагать, что в свое время Троицкий Сенной монастырь был достаточно известен. Так, сведения о нем вошли в древнейший из сохранившихся «Пермский дорожник» в списке второй половины XVI в., причем в таком контексте, где естественнее, казалось бы, встретить название Свирского, Андрусовского или какого-нибудь другого известного ладожского монастыря: «...Онега течет своим устьем в море. Нево озеро велико, 300 верст поперек и на подлину; а на нем стоят три монастыря: Валам, да Ковенець (*так!*), а промежи ими 70 верст, а третьи монастырь Синное словет»[44] (в этой цитате отметим также краткость сведений и неверный размер Ладожского озера, о чем уже говорилось в связи с дорожниками). Но, пожалуй, наибольшего внимания заслуживает перечисление Сенного монастыря среди достойных подражания общежительных обителей в «Челобитной иноков царю Ивану Васильевичу»: «...яко же есть чин и устав преданный от преподобнаго отца нашего игумена Кирила чюдотворца, его же держат во обители его неизменно даже и до сего дни, такоже и во всех заволских (*так!*) манастырях, и в Соловецком монастыри, такоже и на Ладожском озере, на Валаме, и на Коневце, и на Сеинном (*вариант: на Сенном*) такожде и во обители преподобного старца Иосифа, иже на Волоце...».[45] Эта «Челобитная» была написана, по мнению Г. Кунцевича, неизвестным автором до Стоглавого собора (т. е. до 1551 г.) и использовалась Иваном Грозным в его сочинениях.[46] Из вышеприведенных отрывков можно сделать вывод, что Троицкий Сенной монастырь, сейчас совершенно забытый, в свое время был хотя и небольшим, но достаточно известным общежительным монастырем. Но где же он находился?

Из источников можно понять только, что он помещался в Вотской пятине на Ладожском озере, из нашего Сказания известно, что он был на острове. Макарий (Булгаков) размещал его в районе Старой Ладоги,[47] но там подходящего острова нет. Острова под названием Сенные есть на р. Свирь неподалеку от Александро-Свирского монастыря,[48] но вряд ли монастырь мог быть там, так как, во-первых, эти острова затопляются, во-вторых, трудно предположить, чтобы в житии Александра Свирского этот факт был бы обойден молчанием. В то же время на самом Ладожском озере, неподалеку от устья р. Вуоксы, т. е. между Валаамом и Коневцом, размещается остров Хейнясенмаа, финское название которого является калькой с русского «Сенной остров» или «Сенная земля» (А. П. Андреев называл этот остров «Гейне-Сима» и считал вполне пригодным для жилья[49]). На острове Хейнясенмаа помещает Троицкий монастырь и финский исследователь Х. Киркинен;[50] поскольку он не приводит никакой аргументации, надо полагать, что его атрибуция, так же, как и моя, основана на совпадении финского и русского названия. Рассмотрев и проанализировав все варианты, можно с большей или меньшей степенью уверенности считать, что Троицкий

---

[42] ВОИДР. М., 1856. Кн. 24. Смесь. С. 37.
[43] АИ. Т. 1. № 210. С. 402—403.
[44] Плигузов А. И. Первые русские описания Сибирской земли // ВИ. 1987. № 5. С. 49, примеч. 51.
[45] Кунцевич Г. Челобитная иноков царю Ивану Васильевичу. СПб., 1912. С. 13.
[46] Там же. С. 10—11.
[47] Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1874. Т. 7. С. 33.
[48] Андреев А. П. Ладожское озеро. СПб., 1875. Ч. 2. С. 123.
[49] Там же. С. 28.
[50] Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. S. 263.

Сенной монастырь был основан в конце 70-х—80-е гг. XV в. и находился на острове Хейнясенмаа, являясь ближайшим соседом Валаамского и Коневского монастырей.

По тексту Сказания, еще один северный святой был связан с Валаамским монастырем, но имя его не включено автором в то перечисление, о котором говорилось (вероятно, потому, что свой монастырь он основал по благословению афонского, а не валаамского игумена). Это — Арсений Коневский, или Коневецкий, о его отношениях с Сергием пишется: «...егда въ плоти живяху, съвершенную Христову любовь меж себе имяху, бяху бо в едина лѣта оба бѣста» (л. 101). Трогательная деталь, подтверждающая эту дружбу: когда мощи Сергия везли озером на Валаам, насад сам собой повернул к Коневецкой обители. Из летописи известно, что монастырь был основан в 1398 г. также при владыке Иоанне: «Поставлена бысть церковь каменна пресвятей Богородицы, на Ладожском езере, на Коневом острове, и монастырь устроиша, при архиепископе Иоанне Великаго Новаграда и Пскова».[51] Умер Арсений, согласно разным спискам его жития, в 1444 или 1447 г. Вполне естественно, что два монастыря, возникшие примерно в одно время недалеко друг от друга в иноязычной и иноверной среде, имели между собой контакты. Однако все известные мне списки жития Арсения Коневского (вообще довольно редкого в рукописной традиции) относятся к одной (?) редакции [52] и не содержат никаких упоминаний о Валаамском монастыре. Сведения о том, что после возвращения с Афона в 1393 г. и до основания собственного монастыря преподобный Арсений жил какое-то время на Валааме, появляются только в поздней редакции жития, опубликованной в книге «Служба, житие и слово похвальное Арсения Коневского» (СПб., 1850) (время составления этой редакции и рукопись, ее содержащая, неизвестны).

Хочется обратить внимание также на достаточно ранний институт пустынничества, существовавший на Валааме. Из Сказания известно, что Сергий, гонимый дьяволом, ушел из монастыря в пустынь тут же на острове (л. 94 об.), но здесь речь идет скорее всего об отшельничестве, так как Сергий ушел один. Более существен другой эпизод — о иноке Харитоне и его безымянном спостнике. Рассказ о них следует в Сказании за сообщением о трех святых — основателях монастырей и также служит иллюстрацией духовного величия и святости Валаама. Монашеский подвиг этих двух пустынников был довольно необычен и, кажется, нигде больше не встречается — возделывали землю они без помощи рабочего скота, получая при этом неплохой урожай: «...в далней пустыни острова того живяху. Той же предиреченный Харитон съ своим ему с жителником никако же от потреб манастырскых ниже хлѣба нужди ради своеа взимаху, но и зимный мраз в худых рубищах терпяху и копорулею жесточайшую ту каменную землю копаху своима рукама. Никако же данному на службу человѣком скоту тяготу нанесоста, но собою оранныа нивы страдаху в многопотных въдах,

---

[51] ПСРЛ. Т. 3. С. 233.

[52] ОР ГБЛ, ТСЛ, № 806, сборник, л. 244—246 — сер. XVI в.; Рязанский музей-заповедник, II — 5, № 8382, 26 л. — посл. четв. XVII в.; ГПБ, Q.I.1227, сборник, л. 1—35 — нач. XVIII в.; БАН, Археограф. ком., № 3, 30 л. — XVIII в. Особое внимание привлекает отрывок в сборнике ТСЛ, о котором в литературе традиционно говорится, что это следы «первоначальной неискусной редакции», а список датируется XVII в. (См.: Дмитриева Р. П. Варлаам // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. (Вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А—К. С. 105—107). В действительности бумага этой части сборника-конволюта относится к концу 30-х гг. XVI в. (т. е. до Макарьевских соборов, на которых Арсений канонизирован не был), а оба сюжета сборника ТСЛ позже вошли без изменений в списки житий. Но, выписанные составителем сборника ТСЛ отдельно, эти два сюжета значительно больше напоминают не часть жития, а самостоятельные патериковые новеллы с увлекательной фабулой.

и от того хлѣб свой ядяху, Христу им помогающу» (л. 97—97 об.). Можно предполагать, что уже в древности на Валааме существовала система, традиционно сохранившаяся и в новое время: помимо самого монастыря на острове в глухих лесах были еще и небольшие пустыньки, куда уходили монахи, налагавшие на себя особо суровое послушание.[53]

Рассказ о монашеских подвигах и благочестии валаамских иноков заканчивается, со свойственным автору стремлением к точности, ссылкой на источник. К сожалению, фраза не окончена: «Свидѣтелствуеть же их трудолюбному великому святому пребыванию в житии святого [...]» (л. 97 об.). Далее переписчиком оставлено чистое место (около строки). Неизвестно, по какой причине это было сделано: или имя святого должно было быть потом написано киноварью, или же оно отсутствовало и в протографе. Из всех известных житий только в одном достаточно подробно говорится о подвигах валаамских монахов — в житии Александра Свирского, написанном незадолго до Сказания — в 1545 г. Но возможно, что автор имел в виду и какое-то другое, неизвестное нам агиографическое произведение (к тому же в житии Александра Свирского нет упоминаний о Харитоне и его спостнике).

В заключение хотелось бы хотя бы кратко коснуться проблемы соотношения Сказания о Валаамском монастыре с таким значительным памятником русской публицистики, как «Валаамская беседа». Поскольку вопрос этот имеет большое значение как для истории древнерусской литературы, так и для истории идеологии и общественного сознания, он требует самостоятельного рассмотрения. Введение в научный оборот Сказания позволяет вновь вернуться и по-новому взглянуть на некоторые спорные моменты в литературной истории «Валаамской беседы». В данной статье мы попытаемся высказать лишь предварительные замечания, и не столько о самой «Валаамской беседе», сколько о ее заглавии: «Месяца сентября в 11 день пренесение мощей преподобных отец наших Сергия и Германа, Валамскаго монастыря началников, из великаго Новаграда в Корельский уезд, во обитель всемилостиваго Спаса, на остров Валам, на езере Неве. И написан бысть образ их, Сергия и Германа, по благословению иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа великаго Новаграда, новаго чюдотворца...».[54] Это пространное заглавие по характеру больше похоже на «память» из Святцев с летописью (получивших широкое распространение с XVII в.) или Месяцеслова и по смыслу никак не связано с самим текстом, где ни Сергий и Герман, ни Валаам больше ни разу не упоминаются. Мне известен сборник житий 30—40-х гг. XVII в. (ГПБ, Погод., 650, л. 342—342 об.), где в качестве «памяти» на 11 сентября приводятся процитированные начальные слова «Валаамской беседы». Создается впечатление, что в протографе заглавие и текст были соединены чисто механически. По поводу же самого текста можно лишь сказать, что ни автор «Валаамской беседы» не читал Сказания о Валаамском монастыре, ни автор Сказания не читал «Беседы» (ранее уже говорилось об этом в связи с «Законом монастырским» Сергия). Попробуем объяснить, откуда в заглавии Беседы появились столь

---

[53] Еще одним косвенным подтверждением существования скитничества в древний период жизни Валаамского монастыря является список «Устава скитского жития», содержащийся в церковноуставном сборнике, написанном на Соловках в середине XVII в. (ГПБ, Соф., 1169, 8°, 541 л., л. 527—540), и имеющий подзаголовок: «Выписано из книги старописмянной древней Валамскаго монастыря иже бе на езере Неве Ладожском Боголепнаго Преображения» (л. 527). Валаамский список «Устава скитского» не мог быть моложе второй половины XVI в., когда монастырь подвергся разорениям.

[54] Моисеева Г. Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 161.

фантастические — как мы теперь знаем — сведения о Сергии и Германе. Человек, писавший это заглавие, явно не знал истории валаамских святых; в его распоряжении были, видимо, день их памяти и упоминание имени новгородского архиепископа Иоанна. Но этого владыку, при котором был основан монастырь, он перепутал с другим Иоанном, «новым чудотворцем», т. е. канонизированным в 1547 г.[55] архиепископом Иоанном (1163—1186 гг.), удревнив таким образом историю Валаамского монастыря на 300 лет. Не поддается комментированию упоминание «образа» Сергия и Германа и то, что он мог быть связан с Иоанном. В Сказании о Валаамском монастыре дважды говорится об изображениях святых: первый раз о фреске (?) в Богословском монастыре ("Бѣ же ту на церковней стенѣ хитростию писаниа шары въображен святый преподобный игумен Сергие, началник Валамского манастыря" — л. 100) и второй раз в чуде 1-м 1556 г. Андрей Гаркуев «видѣл бо бяше преже святую их икону» (л. 105). Скорее всего, та икона, которую видел Андрей, была написана уже после перенесения мощей и официальной канонизации святых, хотя известны случаи, когда иконы существовали еще до причисления к лику святых. Видимо, иконы Сергия и Германа вообще были редки и бытовали только в местной традиции (неизвестно ни одного их изображения XVI—XVII вв.), во всяком случае их описание не вошло в Иконописные подлинники не только конца XVI в., но даже XVIII в.[56]

Изучение Сказания еще далеко от завершения, однако уже сейчас можно сказать, что Сказание о Валаамском монастыре является не только неоценимым источником по истории самого монастыря и сложных процессов, происходивших в Новгородской земле, но также позволяет по-новому взглянуть на некоторые произведения древнерусской литературы — жития Ефрема Перекомского и Арсения Коневского, уточнить их литературную историю. Требует изучения распространенное явление необоснованного (как мы теперь знаем) «приписывания» некоторых святых и исторических лиц к славе Валаамского монастыря в произведениях XVI—XVIII вв. Отдельную тему составляет вопрос о соотношении нового памятника с «Валаамской беседой» в историко-литературном и культурном плане. Загадочная изолированность традиции двух современных памятников, формально посвященных единой тематике, вновь делает актуальным вопрос о времени, месте и исторических обстоятельствах создания «Беседы валаамских чудотворцев».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сказание кратко о создании пречестныа обители боголѣпнаго Преображениа Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа на Валамѣ. И отчасти повѣсть о преподобных святых отець тоя же обители началник Сергиа и Германа. И о принесении святых мощей их. Благослови Отче. *л. 87*

Всѣх убо сый творець и владыка, его же не сказани пути, и не ислѣдовани суди,* иже всѣх сый мѣра и опредѣление по праведной равности, всѣм подая неоскудне своих благодатных даров, и вся съблюдая и исполняя

[55] Голубинский Е. Е. История канонизации... С. 100.

[56] См.: [Филимонов Г. Д.] 1) Иконописный подлинник Новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века. М., 1873; 2) Иконописный подлинник сводной редакции XVIII века. М., 1874.

* *Здесь и далее — так в рукописи.*

кождо якоже достоит. Иже от единыа крове сътворил вся языкы, и разсѣа их по всему лицу земли и положивый предѣлы языком по числу аггил Божиих, о всѣх человѣколюбное попечение имѣа. Овѣх убо под теплотными странами всели, и сласт'ми благовонных арамат* възвесели, и златом, и дражайшими многомастными камыкы украси. Овѣх же на плодоносных землях жити учини, и веселѣйшими винограды обогати. Овѣх же по пус-
л. 87 об. тыням разсѣа, скотопитателство // велие дарова им. Инѣх же на премно-
жайших водах и в велицѣх лѣсех насели, и рыбами преумножи, и красновидных звѣрей кожами одарив. Да кождо язык свой предѣл похваляеть, и с родственою сердечною любовию к своему отечеству связуем, дателя таковому благодатству въсхваляют. И любовное гощение кождо от плодов своеа земля друг к другу на братолюбие в див [на удивление] да посылают в честь вся сътворшему Богу.

Тии же благых его насытившеся вышняго Бога давшего им честь измѣниша, на бездушныя твари славу нетлѣннаго Бога възложиша, от камениа и от вод и от лѣсовъ богатства прошаху, и им честь въздаваху, по прелести сквернаго и вселукаваго диавола. Сице бо здѣ бысть язык[1] чюдцкый, иже сѣдит от Руси по Немецкому Свизскому морю, начен яж в Ливонстѣй земли даже и до Каргаполя,[2] в Немецкую же землю и до
л. 88 полной великой рекы, ея же 60 // верст поперек глаголют быти; она же
течет от Каенскиа губы моря в Свизское море. Тои же чюдцкый язык на премножайших сладкых водах в величайших лѣсех жителствует, и множством рыбным изъобилуем, и красновидных звѣрей кожами обогащаем, но паче Творца своего и Владыкы не позна, и нечистыми бѣсы обладаем быв. Такову же велику сущу языку и многолюдну, но за их презелное бесослужителное скверное вълхвование, грамоты и началства Божиа сила в них не сотвори, но двема языком поработани — Руси и Нѣмцам. Толикыа им бесовскыа помощи корысть изообрѣтоша, яко от всѣх «вълхвы проклятыа» нарицаютца.

Глаголют же старческыа сповѣсти яко в древняа она лѣта посланныа Исусом Христом Богом нашим на проповѣдь в вся языкы святыа священныа апостолы. От них же един от двоюнадесяти лика, Андрѣй брат Петров, в нашем Русстем языце быв, и в преименитом Великом Новѣ градѣ слово
л. 88 об. Божие проповѣда. И Невскым величайшим // езером пловый, на Корѣлскыа
страны к сиверу възрѣв, сице рек, яко новыа Хананеи безбожнии языцы вълхвы жителствуют там, но обаче два свѣтила просвѣтятся в них. Се же, глаголют, прорек апостол Христов о пречестных и великых обителех Валамѣ и Коневце. Иже оба та манастыря на велицем том Невском езере на островѣх съгражени, в земли Корѣлстей, и велми просиаша в посническых добродѣтелех, яко же нынѣ всѣм знаемо есть по пророчьству святого Христова апостола Андрѣа. Нынѣ же и землю ту просвѣти Бог святым крещением.

Невское же то величайшее езеро величество должины имѣа 300 верст. Поперек же того езера от рекы величайшиа Свиры до Орѣхова града, отнюдуже великая река течеть Нева в море Бѣлое, его же именують по прилежимой земли вкруг [окрест] его Свие тоже и море Свисское называют. Да яко же рѣх, поперек того езера меж предиреченных рѣк 100 верст. Сивернаа же и глубочайшаа страна езера того горами превысочайшими //
л. 89 каменными предивне Создателева пресилнаа Божиа премудрость яко сте-
нами огради, да не бесчинным шествием збежат воды от уставленых своих сънм. Полуденныя же мѣлкыа бреги езера того песком ограждени суть. Наполняет же ся таковое великое езеро 140 рѣк и тысящию ручьи

[1] *На поле добавлено* убо. [2] *Испр. из* Каргополя.

[источник]. Онѣжское же великое езеро, иже должину 300 верст имѣа и премногыми водами насыщаемо, в то же в Невское великое езеро Свирою великою рекою уклонено. Тако же и ильменевскыа воды Вълховом в то же езеро втичють. Немецкых же стран множество водное от сивера Узярвою рекою в то же езеро входять. Такову же велику сущу езеру и глубоку подобно морю быти; вода же его сладка и здрава, и премножественый неисчетный род рыбный в нем живущь, такоже и звѣрь.

В край же сиверный того езера в земли Корѣлстей остров превелик Валам именуем, о немь же нынѣ нам слово настоит. Той же остров расстоание имый от брегов сиверных 30 верст, от въстока же и запада по 40 верст. Великий же той остров Валам // зѣло прекрасен и превысок от *л. 89 об.* Сътворителя сътворение; естеством каменн, многолѣсен и многоводен, глушицы и салмы в нем бесчислени, въкруг же его 30 верст мѣра обдержит. Окрест же его малых островков 70, да якобы около кокоша чада, сице около того великого острова малые онѣ островкы сътворени зѣло прекрасни и чюдни, единокаменни сущи, ови лѣсни суть, а друзи голы; мали же зѣло, а ини велици. Часты же меж себя сущи, яко о единой верстѣ 20 и вящем быти, яко хлѣбы лежаще зѣло чюдно.

Первое же искони в островѣ том бесослужителная Корѣла живяху, и по первоименству той остров Валам нарицаху. Кто же не удивится Божии пресилной премудрости — откуле тѣм диким людем вложено есть перьскаго древняго языка именование: Валам нарицаху остров той, ниже в их языце отнюдь таковое речение обрѣтается. Но Он всѣх творець и Владыка вѣдый вся преж бытиа, ихь скверными // усты изволение своеа славы преже *л. 90* многых лѣт прояви. Иже хощет в мѣсте том светилище* своему великому пресвѣтлому имени сътворити ради многых хотящих спастись, таковое именование их языком именова, яко да Валам мѣсто то именуют в образ древняго лестца и пророка Валама, иже неволею превратися язык его на благословение древнему Израилю, сице бо и здѣ бысть, егда преже именованнаа бесодохновеннаа Корѣла с мнозѣм своим скверным вълхвованием в том островѣ живяху. Безъмѣрное же и бесконечное неисчетное крайнее милосердие человѣколюбие Божие, иже всегда всѣм человѣком хощет спастися и в разум истинный приитти, и по пророчеству своего апостола съвершаа, подвиже нѣкых от святоученных священых инок от Великого Нова града. В них же един Ефрѣм зовомый, иже послѣди манастырь на Переков'ском* островѣ на Илмене велицем езере съгради, и о Святем Дусе христоподобное братство съвокупи, и съвоим величайшим трудом явствену мзду на ползу нам притежа.* // Священное бо его и трудолюбное тѣло *л. 90 об.* нетлѣнно возлюбленный от него Христос съблюде, всѣми видимо даже и доселѣ. И паметь его свѣтле с похвалою съвершается, и не кончаетца от рода в род. Сей убо священый предивный отець Ефрѣм подвижется, с ним же другый преславный священноинок премудрый Сергие с инѣми вкупочинными своими, к предреченному великому и чюдному оному острову Валамскому приходят. И нѣкый остров с восточныа страны окрест великого того острова обрѣтают зѣло чюден и превысок, да якобы стог сътворен, равен от низу даже и до верху; высотою вяще 50 сажен, единокаменн сущь, и един въсход на себе имущь. Верхь же острова того гладко суще, и неизглаголанною красотою сиаемо.[3] Величество же мѣста того якобы сажен 50, кругло суще, и пренарочито от всѣх съдѣтеля предивне сътворено, и пещера ту каменна зѣло чюдна.

Тако убо преподобный он Ефрем с своими к ма//лому тому и высокому *л. 91* острову пришед и ту начало полагают, царское знамение животворящий

[3] *Над словом* сиаемо *стоит крестик, но вставки нет.*

крест водружають, таже и церковь поставляют в имя преславного боголѣпнаго святого Преображениа Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа, таже поспѣшением всемогущаго Бога множитись начаша. Нужу же свою ограды на инѣх островѣх саждаху. Живущии же Чюдь на велицѣм том островѣ зѣло яряхуся на святых онѣх старцов, единодушно з бѣсы чарованием нападаху, и многыи пакости творяху. Предреченный же началник старець Ефрем от мѣста того отходить, Богу хотящу на Илмене Перековскую* обитель създа; и доволна лѣта пребыв, к Господу от'иде. Прежеименованный же Сергие, зря поспѣшение Божие, в изообиловании благых умноженаго ему яже о Христѣ братства, и тѣсноты ради мѣста не вмѣщахуся. Таковыя же ради вины преподобный Сергие болшему дѣлу касаетца, о строении манастырском усердие имѣа, и о просвѣщении оныа тмошественыа за-
л. 91 об. блуджшиа Чюди // велми печашеся, к архиепископу Великого Нова града приходит. И о бѣсослужителной оной Чюди корѣлской възвѣщает, и преподобнаго Ефрѣма многотрудное начало о здании манастырьском в просвѣщение о нѣм по ряду исповѣдует. Сиа же архиепископ слышав и рад бысть зѣло, проразумѣ бо, яко въспомянул Бог свое заблуджьшее* създание, и хощет погыбших взыскати, иже подвиже к таковой своей велицей службе своих избранных раб. Скоро к посадником и к[4] тысячскым и к державным града посылает, да вещь ону по Господни воли устроять. Тогда же украшаше престол великиа премудрости Божиа слова Съфеи* Иоан достопаметный, иже възведен бысть на великий престол Великого Нова града в лѣто 6896, и на двадесят семь лѣт церковь Божию окорми. Градстии же держатели архиепископову словесе усердне повинуются, Богу поспѣшествующу, скоро посланных от себе с епистолиами отрядиша. Такоже
л. 92 и архиепископ[5] свою епистолию // с посланным[6] посла, да великий той остров Валам преподобному Сергию отдадут, и живущих ту людей изгонять. Архиепископ же много злата и потребных в манастырское строение преподобному Сергию подасть; такоже и держатели града, и христолюбивый именистый народ многочисленных потреб преподобному подаста. И тако архиепископ с предреченными посланникы преподобного Сергиа отпускаеть. Святый же правителством вседѣтелнаго Бога, здрави и немедлено пучину того великого езера преплывше, и к великому острову Валамскому пришедше. Посланнии же заповѣлѣнное* им от архиепископа и посадьник съвершаху: живущих ту людей от острова того отсылати начаша. И тако онѣ бѣсооружьне себе ополчивше, рать противу посланных сътвориша. И многое падение бысть онѣм скверным вълхвом, рукою же всесилнаго Христа Бога их одолѣша и многых избиша, и тако посланнии скоро их от острова
л. 92 об. изгнаша. Ту же и нѣким от благоговѣйных инок смертнее // уязвени скончашася. И тако по преславной той побѣдѣ преподобный Сергие мѣсто манастырю, идѣже Богу хотящу, избра зѣло прекрасно и превысоко на горѣ каменнѣ, яко град видим от всѣх. И пренарочитое великое тихое пристанище под собой имуще, яко да тмочисленое множство караблей* может съхранитись от ярости свирѣпаго волнениа. Церковь же по благословению святейшаго архиепископа въздвизает въ имя боголѣпнаго Преображениа Господа Бога Спаса нашего Исуса Христа, и духовное о Христе братство съвокупляет. И тако Христу пособъствующу многочислено братии бысть, и в гобзовании неоскудное множество потребных всѣм изообиловася. Таже уясниша мѣсто от стоящих лѣсов, велику и зѣло прекрасну и превысоку церковь предиреченную поставляет, и в[7] предѣлех[8] устрояеть великого богословца

---

[4] К *вставлено сверху.* [5] *Испр.; в ркп.* ахиепископ. [6] *Испр.; в ркп.* посланным. [7] в *вставлено сверху.* [8] *Исправлено из* прідѣлех.

и евангелиста Иоана и чюднаго чюдотворца Николу. Потом же и другую церковь воздвизает въ имя еже по плоти // Рождества Господа Бога Спаса л. 93
нашего Исуса Христа с трапезою зѣло чюдну и преславну. Манастырь же крестообразно четырестѣнно огради, от въстока же и полудня, от запада и сивера. Великаа же врата на полуденней оградѣ учини — тамо бо подобает имь быти. Прихожение же к манастырю тому от сиверныа страны на полдень по праву манастыря. Великая же та и прехитрая превысокаа церкви среди манастыря равным разстоянием от всѣх стран утвержена, яко древняа она куща меж полки Израилевыми въдружена всѣм видима, яко солнце луча красоты испускает.

Закон же манастырскый по святым священым догъматом изложи, елико нужнѣйшая потребе человѣческаго естества. Сиа точию в манастырскых съкровищех имѣти и о сих пещися, излишных же никако же искати, яко лихоимцем сущим. Ядь убо нужнїйшее вариво еже подасть Бог, пестротных же и многокозненых многоцѣнных брашен с ухищьрением — таковых отнюдь отрече, аще и распространит Господь мѣсто то. Медотворных же // и л. 93 об.
пианственых розных питей никако же не повелѣ, но един нужнийший квас своим же и приходящим. В праздники же излишных брашен или избранным квасом сему никако же не именоватись, но духовное съвершати веселие о Дусе Святе, яко отнюдь плотское веселие и гортанное наслаждение отсѣче. Одежда же иноческаа немногою цѣною умножена, ниже красотою видима. Но во образ иночества нужу точию имущи покровению, такоже и общу слугам же нужнѣйшая сермягу и шубу, и инаа потребнаа ко страданию сиа точию имѣти. Излишных же и дражайших портищь отнюдь не имѣти. Праздныхь же и величавых слуг никакоже не держати, но всѣм общаа страда и дѣло в манастырскую потребу съвершати — иноком же и слугам. И единаго от братии старца нарядника имѣти, тому въ всѣх страдах и дѣлех повиноватись, еже аще что повелит. Общаа же страданиа всѣм, такоже и равенство в трапезе же, и в одѣже всѣм равно от послѣднихь же и до первых, // едино вариво в рыбе же и в прочем, и един квас, и л. 94
едина одежда — от игумена даже и до послѣдняго белца и до пастыря, всѣм благое о Христѣ равенство подаваемо. Непокоривых же бесчинник мучити никако же повелѣно, хлѣб таковому подав в целомудрие ему, и тако из манастыря изсылати, да не прочии ему поревнують по реченному слову, яко «мал квас все вмѣшение квасит». Сие же его священное законоположение даже и доселѣ цѣло съблюдается, аще и преумножил Господь благыми своими мѣсто то молитвами их. У постригаемых же великых вкладов отнюдь отрече просити, но с вѣрою желающаго агтилскаго святого житиа туне [даром] стрищи повелѣ, аще и от простых людей есть. Ихь же молитвами нынѣ вяще 100 братов обрѣтается в святей обители ихь, оно святое житие имущи.

Мы же пакы на повѣствуемую повѣсть възвратимся яже о преподобнем Сергие. По семь же грѣху творець лукавый диавол нѣкых // неутверженных л. 94 об.
в разумѣ от инок обрѣтаеть, на вражду святому и великому игумену Сергию въздвизаеть. Сию же рать диаволю преподобный видѣв, и вълнение своих ему ощути, по Господню слову гнѣву мѣсто дасть, игуменства сана уступает, и в глубочайшую пустыню великого того острова отходить. И тамо Предтечево и Илиино житие подражаеть, с дивиами водворяемь, единому Богу безпрестанными молитвами бесѣдуя. Несытный же диавол, всегда оскорбляемый от него, недоволен быв первою крамолою, но тщася от своего перваго жилища изгонити святого. Аще уже и оттято* бысть от него волное его селение, но паче держа гнѣв на преподобнаго, яко той началник изгонителству его, еще своим злокозньством ину брань на преподобнаго

напускаеть зелнымь оскорблением, да яко нужею и бесчестием[9] святаго с острова згонити.

л. 95 Преподобный же Сергие в преименитый // Великий Нов град прииде в манастыри святого великого Богословца и Евангелиста Иоанна, молча многолѣтную свою и многотрудную глубочайшую старость наканчаваа, жды любезнаго своего желаемаго преселениа в небесныа кровы. И тако ту жителствуя тружаяся, священыа святыа книгы пиша в просвѣщение вѣрным, да яко зѣло преславно быти его трудолюбное писание, за лежащую в немь пучину божественыа философиа. Даже и доселе писанные его книгы в манастыри том съблюдаются, ихь же нарицають «Сергиев перевод». И тако лѣта нѣколика пожить в старости маститѣ, к Господу от'иде. Святое же его и многотерпеливое тѣло в том манастыри положено у церковных стѣн святаго Богословца.

В предреченном же Валамском манастыри по преподобнем игумене Сергие Герман приснопаметный игуменом бысть, иже въ всѣх первых трудѣх общий бысть с преподобным Сергием, священства чин на себѣ имѣа. Той
л. 95 об. убо великии Герман добрѣ // пася порученное ему стадо Христово словесных овець, и свою жизнь непорочне имѣа, елико довлѣеть телесной немощи. И в многолѣтных сединах на своей паствѣ в созданнѣм от них манастыри от житиа сего к Богу от'иде, и ту погребен бысть.

По лѣтехь же мнозѣх, яко бы от създаниа манастыря лѣт 100 и вяще, умноженым сущим грѣхом человеколюбивый Бог свое наказание попусти, да безакониа своа въспомянув, уцѣломудрятся. Сице же грѣх ради наших бысть пожар на манастырь той, да яко згорѣша обѣ церкви и казна, и весь манастырь. Гроб же блаженнаго Германа под церковию бысть, от великыа же тоя огненыа ярости цѣл Христом съблюден бысть. Святое же его священное тѣло нетлѣнно обрѣтесь, бѣ бо мѣсто каменно неудобь капаемо, но на верхь земли положен бѣ. Оттолѣ же святое его нетлѣнное тѣло в велицѣй церкви положено бысть, всѣми видимо на
л. 96 поклонение вѣрным. Пребысть же ту // в церкви преподобный Герман вяще 40 лѣт, дондеже мощи святаго Сергиа от Великого Нова града принесоша. И тако обоих вкупѣ положиша за олтарем великиа церкви близ святого жертвеника, иже даже и доселе святаа их чюдотворнаа рака всѣми видима. Многа же и преславна чюдеса показа Бог тѣми своими угодникы Сергиемь и Германом. Аще и далече бѣста меж обоих расстояниа телеснаго положениа, но во единых Христовых обителех въдворяются вкупѣ сущи. Преж убо предиреченнаго пожара много в явлениах нѣкоим достойным иноком себе являюще, и любовное попечение о своем манастыри показующи, на покаяние прочих обращающе и на молитву въставляюще, да възмогут възмолити всѣ Царя и Владыку, да его праведный гнѣв мимо идет — таковаа по премногу показующе неотступное свое попечение о мѣсте том имѣюще. Премногаа же их чюдотворениа неудобь списанием исписуется, но и число превзыде ихь скорое пособление к
л. 96 об. требующим; вся подсивернаа страна их чюдесы богатне озаряется // и удивляется.

Суть же три велиции преславнии манастыри от того великого Валамского манастыря устроишася. Первый убо Саватей, ис Кирилова монастыря от Бела озера пришед, и в превелицем Валамстем монастыри жителствова и от ту живущаго игумена благословен, первый началник жителству Съловетцкому острову бысть. Та же вторый Александр, иже близ великыа рекы Свиры святыа и живоначалныа Троици обитель създа, и предивными чедесы* выше слова облиста. Той убо святый великий чюдотворец Александр

[9] *Испр.; в ркп.* бестестиемь.

в томь пресвѣтлом Валамстемь манастыри пострижен бѣ, и ту сущим игуменом благословен на създание манастырю. Третии же Сава, иже на Сеннянском острову чюдную ону и духовную пустыню съгради въ имя пресвятыа животворящиа Троици, ему же в създание поможе христоименитый государь великый князь Иван Иванович, брат великого[10] князя Василья Ивановича всеа Руси. Сице бо оно духовное сѣмя онѣх // великых трудолюбных дѣлателей на плодоносней той блазѣй земли вко- л. 97
ренись, гобзователен преславный плод израсти, пречюдными духовными цвѣты добродѣтелми посничества преукрашен в радость Небесному Царствию, и к ползѣ земным, хотящим спастися. Бяху бо в оной преславней велицѣй Валамстей обители великие онѣ в постных подвизѣх сиаемыа иноци, пустынное и многотрудное любяху пребывание. В нихь же бѣ нѣкый Харитон именем, съ своим ему спосником о Христе братом в далней пустыни острова того живяху. Той же предиреченный Харитон съ своим ему с жителником никако же от потреб манастырскых ниже хлѣба нужди ради своеа взимаху, но и зимный мраз в худых рубищах терпяху и копорулею жесточайшую ту каменную землю копаху своима рукама. Никако же данному на службу человѣком скоту тяготу нанесоста, но собою оранныа // нивы страдаху в многопотных въдах, и от того хлѣб свой ядяху, Христу л. 97 об.
имь помогающу. Да яко таковых рукооранных нив за своею им годовою пищею по пяти мѣр жита и вяще в манастырь приносити. Приходящим же к ним убогым от таковыа своеа многотрудныа страды неоскудно по насыщении подаваху. Тако же и ини пустынници великая жителства жестокаа проходяху, подобно первым великым отцем. Живущии же в манастыри по священным уставом посническаго закона пребываху, в съборных и осьбных правилѣх неизмѣнне стояху от любве Христовы. Свидѣтельствуеть же их трудолюбному великому святому пребыванию в житии святого...[11]

Многаа же и предивнаа съвершаемаа чюдеса и прорицаниа онѣх великых приснопаметных отець нѣсть мощно писанию предати за безмѣрныа и нечисленыа множства повестей. Иже бо аще хто от трудолюбных // пожелаеть[12] слышати их равноагтилское о Христе чюдесное л. 98
пребывание прежебывших онѣх святых отець, сам да достижет до святожителнаго того чюднаго[13] острова и преславнаго того манастыря, да ся подвижет, и от ту сущих инок самослыщець* будет. И слышав паче удивится превелицѣй Божии премудрости, како первие бесослужители сущи, оставя свое скверное вълхвование, усердне от горящиа любве посническыа законы съвершаху. Инии же от родимыа им о Христѣ незлобивыа простоты, неуклонни к злым, радостне по заповѣди Господни живяху, яко новорождении младенци пиюще нелесное* млеко, ничему иному упражняхуся, разве* еже беспрестанной молитвѣ немолчно в дни и в нощи, и покой нужный преобидяху бодрому духу повинующеся, и службы монастырскыа от простоты сердца всею душею любезне съвершаху, не человѣкоугодне точию пред очима работающе, но яко самому Христу служаще от всея душа с любовию. Сицево бяше первых онѣх великых отець жителство в манастыри том. Таково плодовитое // оно сѣмя великаго л. 98 об.
Сергиа и състрадавшаго с ним преславного Германа, иже даже и доселѣ живущии ту нынѣ священии иноци, ревностию ревнующе первым имь своимь отцем, друг друга преспѣвающе в добродѣтелех, Христу имь на таковый свой путь помагающу.

---

[10] *Испр.; в ркп.* велико *и поставлены крестики над словом и на поле, но слово недописано.* [11] *Оставлено чистое место (примерно строка), далее текст продолжается с середины строки.* [12] *Испр.; в ркп.* пожелѣеть. [13] *Испр.; в ркп.* чюдонаго.

Ино[14] же чюдо велие и преславно повѣдати хощу о пренесении святых мощей ихь. Малыми реченьми сего въспомяну, иже убо бысть в дни наша и всѣм вѣдомо есть таковое. Тоя же честныа и преславныа святыа великыа обители Валамского манастыря игумен Пимин, иже по святителскому избранию избран на спасение живущим ту о Христѣ иноком, мню же паче от Бога знаменован, да преславное то и богоугодное дѣло съвершит. Се убо предиреченный великий в разумѣ игумен Пимин осиаваемь духовною благодатию, съвѣт в сердци благ приимь, да прежереченнаго началника манастыря того преподобнаго игумена Сергиа от Великого Нова града святыа //
л. 99 его мощи в създаною от него обител Валамскую принесет. И з* съжителником его возлюбленным ему Германом, иже по нем игуменом ту быв, да обоих святыа мощи в едину раку вкупѣ положит. Да первую ону бѣсосодѣтелную рать посрамит, иже нѣкотории лехкоумнии чернци на преподобнаго Сергиа въздвигоша, и святаго великыми слезами да умолит. Иже сам свое христоподобное незлобие многажды в явлениах показа, не понося съгрѣшению ихь, но сердечное попечение о своих чадѣх и о многотруднем том мѣсте немало показа. На таковое кроткое беззлобие святаго отца надѣяся, прежереченный Пимин, паче же и святыми онѣмь пострекаем, да во своем ему манастыри святыа его трудолюбныа мощи положени будут. Иже сам духом никако же от святаго того мѣста своих трудов отступи, но присно моля владыку Христа, вкупе сый съ своими чады. Прежеименованный же чюдный он игумен Пимин вышемѣрному тому великому дѣлу касается. Святейшаго архиепископа Феодосиа молить, да взыскав святых мощей
л. 99 об. преподобнаго Сергиа, въ свой ему // манастырь на Валам отнесет. Архиепископ же слышав удивися о величествѣ дѣла и о подвижении мужа иже в родѣ том, и преже никто же тако не сътвори. Но уразумѣ, яко не от[15] своея воли таковое высочайшее дѣло он игумен начинает, но Богу того хотящу преподобнаго добродѣтели людем проявити, и самому святому възлюбившу да в създаннѣм от него манастыри положен будеть. Не дерзну же архиепископ сего особѣ сътворити, но паче пресвященому и великому митрополиту и всему святому събору въписуеть, и прежереченнаго игумена Пимина тамо посылаеть. Тогда же на превелицемь пресвѣтлом престолѣ великыа митрополиа русскыа чюдный в добродѣтелех Макарие сиаа, иже преже бысть на многа лѣта архиепископ преименитому Великому Нову граду. Пимин же великому тому подвигу себе вдаеть, святого молитвами поспѣшаемь, царствующаго великого града [16]в Москвѣ[16] достизаеть пресвѣтлыа, и пресвященаго святаго митрополита молением подвизает. Великий
л. 100 же той чюдный в добродѣтелех // мужь уразумѣ духом: не о себѣ игумену на таковую вещь дерзати, но святым онѣмь преподобным Сергиемь поосщряемь.* Писание съборное по совѣту свѣтлѣйшаго христоименитого царя Иоана он пресвященный митрополить архиепископу въписуеть, да мощи преподобнаго великаго Сергиа с честию яко же достоить в създанную от него обитель отпустит. Игумен же Пимин свое желаемое святое то дѣло улучи, долъжныа хвалы и благодареиа всемогущему владыцѣ и угоднику его въздав, Великаго Нова града достиже, и съборную ону грамоту святого пресвященаго великаго митрополита святейшему архиепископу вручаеть. Архиепископ же священников и весь клирос от великиа церкви премудрости Божии Съфеи скоро посылаеть в манастырь святого великаго Богословца и Евангелиста Иоана, да окопав, [17]святыа его мощи запечатав[17] игумену честне отдадуть. Бѣ же ту на

---

[14] *Испр.; для* И *на строке оставлено довольно много места, но вставлено оно на поле (должен был быть киноварный инициал?).* [15] *Вставлено над строкой.* [16-16] *Испр.* писцом из Москвы. [17-17] *Вставлено на поле.*

церковней стенѣ хитростию писаниа шары въображен святый преподобный игумен Сергие, началник Валамского манастыря. Вѣдомо бо бяше его по Бозѣ добродѣтелное // житие и чюдеса от нѣкоего же ту старца зѣло стара, *л. 100 об.* увидѣша яко о ногах гроба преподобнаго древу тополю велику израстшу. Чюдный же той игумен Пимин от великыа любве к святому сам трудом касается землю рыти нача, и доску камени бѣлаго обрѣтоша, изгонившу* от множества лѣт. Таже и самый святый той гроб окопаша и цѣлы сущи святыа его мощи обрѣтоша. Радостию наполнишася, благодарственыа пѣсни Христу Богу и угоднику его въспущаху, и трема печатми гроб запечатлѣша, и священныа пѣсни над преподобным пѣвше, с великою честию до насада проводиша. И тако поиде святый к возлюбленному своему и многотрудному мѣсту. Человѣколюбцу Богу угоднику своему помагающу, вѣтры благополучны подасть, великую бо рѣку Вълхов скоро преходят, тако же и пучину Невскую немедлено преплавають, и пречестныа обители пречистыа преславныа владычици нашиа Богородица приснодѣвы Мариа честнаго // еа *л. 101* Рожества Коневскаго манастыря достизают. Случи же ся нѣкако чюдо преславно: въсхотѣ бо он игумен Пимин да немедлено благополучным ему вѣтром в свой манастырь доидет, и манастырь святыа Богородица Коневской и великого началника манастыря того святого Арсениа минет. Егда же повелѣ кормнику остров манастыря того миновати, и се въста вѣтр зѣло противен, да яко нуждею насад назад порѣвати. Той же игумен Пимин въспомяну онѣх святых обоих началник — валамского Сергиа и коневскаго Арсениа — егда въ плоти живяху, съвершенную Христову любовь меж себе имяху, бяху бо в едина лѣта оба бѣста. Сиа же игумен въспомянув и уразумѣ, яко хощет быти великий Сергие у своего ему о Христе брата и друга, и повелѣ насад к манастырю обратити. Слышав же игумен манастыря того, яко мощи святого к ним самовълне грядуть, сам в священных ризах с кандилы* и пѣснми с всею братиею срѣтение преподобному сътвори. И с великою честию мощи святого в манастырь внесоша, и ту // нощь *л. 101 об.* препокоивешеся. На утриа же пакы вѣтр поносен зѣло благополучен молитвами святого бысть, и тако игумен Пимин купно съ святым на свой путь устремися. И благополучным онѣм дателным вѣтром скоро в пристанище великаго того Валамского острова приидоша, молитвами святого Сергиа наставляеми. В манастыри же повелѣша, да во утрие священници в священых одеждахь с кресты и кандилы и с свѣщами, и вся братиа к срѣтению святого готови будут. Тоя же нощи случися нѣкоему в манастыри том благоговѣйну иноку постническыми труды сиаему, на обычной ему своей молитве бдѣти. И мало от трудов онѣх въсклонися в невидѣнии бысть. Зрит в пристанищи острова того, идѣже святый Сергие стоя, полны храмины тѣ и брег священнолѣпных инок, и пренарочитых боляр съ свѣщами премногыми, радостне ликоствующе. Храмина же полна сущи священых священик в ризах святых, и между их юноши зѣло красни // и жезлы в *л. 102* руках имущи, и просвѣщени славою вышнею. Премножество же свѣщь в храминѣ той, и неизреченным свѣтом сиаемы, и недоумѣваемому благоуханию исходити, яки аеру, наполнитись сладкыа тоа и неизглаголанныа вьня. Оному же сиа видящу, страхом и недоумѣнием одержиму, не смѣа въпросити, кто суть сии. Но едва нѣкоего от послѣдних ту боязнено въпроси, глаголя: «Кто суть сии, Господи мой, иже нѣсть от земных таковыа?» Он же отвѣща рече ему, яко прииде началник Валамскый игумен Сергие от Великаго Нова града в свой ему манастырь жити. Встречаеть же его спосник его и съпрестолник тоя же обители игумен Герман, а сии суть с ним. Таковаа же слышав, он инок абие възбудися, и видѣ себя в своей ему келии на обычном правилѣ стоящу. Сиа убо о сих.

Мы же на предиреченную повѣсть възвратимся. На утриа же приуготовавшесь священници и вся братиа с живътворящими кресты, и святыми иконами, и с кандилы, и свещами к устрѣтению святого. Сам же игумен
л. 102 об. Пимин с сущими с ним священники, в священыа // ризы облечесь, с свѣщами и благовънными кандилы по пристанищу съ святым шествие творя, брега достиже. Сам на раму свою съ священикы гроб преподобнаго въздвижут, с пѣснми духовными радостне в манастырь с великою честию относять. Нѣции же духовнии иноци от радости великыа гласы слезне испущаху, просяще прощениа от преподобнаго, еже отци их невидѣниемь* ков на святого сътвориша. И тако принесение его славно бысть с великыми гласы съвершашеся, яко поющих псалмы гласы плачевныа покрываху, и каменосердечных на милосердый плачь обращаху. Принесше же святыа его мощи, в велицѣй церкви положиша Боголѣпнаго преславнаго Преображениа Бога нашего Спаса Исуса Христа. Такоже и Германа присноПаметнаго вземше, вкупѣ обоих положиша, и священныа святыа пѣсни по уставу священному над ними съвръшаху. Приходящии же братиа святыа их мощи цѣловати, игумен же Пимин яко к живу сущу прощениа
л. 103 прося от всеа братии, к святому глаголаше: «Прости, // отче святый, прости, не въспомяни грѣхов отець их, невидѣниемь бо съгрѣшиша к тебѣ. Не бо есть человѣк, иже не съгрѣшить. Но ты, яко Сын Вышняго, Отцу своему и Владыцѣ подобяся милостию, остави имь их вину. С нами пребывай, на тя бо упование имамы, ты бо еси нашь ходатай и заступник». Таковаа игумену за всякого брата отвѣщавающу, весь слезами обливаемь. Такоже и вся братиа съ слезами целование и прощение к преподобному творяху. Съвершивше же священное пѣние, ко уготованному им мѣсту святыа ихь мощи отнесоша. За олтарем великыа церкви близ святого жертвеника положиша в едином мѣсте, и гроб паволокою честне украсиша. И в день той духовное празнество съвершиша в честь святым и преподобным отцем Сергию и Герману. Съвершаеть же ся славное ихь святое събрание в паметь имь месяца сентебря 11 день по повелѣнию святого священнаго събора, в нь же день мощи святого Сергиа в манастырь
л. 103 об. принесоша. Оттоле же даже и донынѣ вся земля // Корѣльскаа день памети их славно по вся годы ликоствующе, от рода в род неконечьне творяще, славу и благодарение всегда въссылающе възвеличившему их Христу Богу нашему. Ихь же молитвами всѣмь нам буди получити Небеснаго святаго некончаемаго Царствиа Царя Христа Исуса Бога нашего, ему же буди хвала и честь и поклоняние с безначалным его Отцѣм, и с пресвятым и благым и животворящим его Духом нынѣ и всегда и в некончаемыа вѣкы. Аминь.

О чюдесѣх святых началник Валамскых Сергиа и Германа. Сиа же малаа нѣкаа [новаа] въспомянути хощу от чюдес святых и великых преподобных отець игуменов и началник валамскых Сергиа и Германа, аще убо вся слышимаа преже съдѣаннаа ими великаа чюдеса, и яже и нынѣ неоскуднѣ чюдеснаа своя изливают с вѣрою призывающим их. И на них же содѣаша своя преславнаа. От таковых самѣх усты ко устом слышах,
л. 104 всяко убо не довлѣеть вписание вмѣстити, ниже разуму // моему обиати, но едину малу нѣкую чюдотворную каплю от великиа и непостижимыа ихь пучины чюдес повѣмь, да жаждущаго сердца горящий пламень слышением утолим. Сию новую преславную повѣсть въспомяну, юже сам от самого сътворшагося о нем слышах. В лѣте убо 64 осмыа тысяща бысть. Человѣк нѣкый сын Иоаннов Андрѣй, Гаркуев нарицаем, жителствуя на реке Олонце — в сей же землѣ той человѣк той знаемь есть. Случижеся ему по обычаю своему въ время зимнее в конець месяца ноября с дружиною своею у Валамскаго острова ловлю рыбную творити, якоже и преже. Бысть

же ему в руку болѣзнь люта зѣло, яко не мощи ему не точию что от потребных творити, но ниже ясти, ниже спати. Руцѣ же той яко бревну превелику отекшу, и болѣзнь зелнаа безпрестани рваниемь жил мучаше. Достигшу же ему своего дому, и великую ту нужную болѣзнь терпя, даже до месяца генваря // продолжитись лютой оной болѣзни над ним. Начать *л 104 об* же человѣк той Христу Богу нашему и пречистей его Материе моление възсылати, и великаго чюдотворца Николу, и началник Валамских Сергиа и Германа в помощь призывати. И обѣт на ся възложи, аще ихь молитвами лютыя тоя немощи избудет, в преславной той обители Валамстей два года работати будет, сущим ту о Христѣ братиам, в честь святым и преподобным игуменом Сергию и Герману — такова же обѣщаниа предиреченному Андрѣю на себя възложившу. Скорые же онѣ на помощь пособникы нимало потерпѣша, и о того же часа одержимый болѣзнию на сон тонок обратись. Елико точию в забвение прииде, зрит себя в сквернене и многоплетеннѣ лыки и зѣло гнусне одеже в мѣстѣ нѣкоем от нѣкоих Валамскых островов, и ту свою великую немощь терпя. Таже видит представша пред собою два инока зѣло сановита и святолѣпна, славою // осиаваема неизглаголанною. *л 105* Он же, сиа видѣв, пристрашен быв, разумѣ, яко началником Валамскым быти — видѣл бо бяше преже святую их икону. Та же она великаа святаа та старца о належащей ему болѣзни въпрошати начаста, оному же к ним отвѣты отдающу. По семь же зрит, и се от великаго того острова Валамскаго по езеру к ним грядяще мужь стар, облочен в священую одежду бѣлу, в велицей славѣ сущь. Рече же он священый муж к святолѣпным онѣм старцам, глаголя: «Разрешите его», — и из'ем рѣзень, подасть имь. Она же многаплетенныа* лыка около скверныа тоя и гнусныа одежди яже о нем обрѣзаста, и свлокше* с него непотребную ту одежду, и ввергоста в близ ту сущую тину. И тако той предиреченный Андрѣй от видѣниа того великого възбудися в своем ему дому и никого же видя, чюдяся преславному тому явлению. Въспомянув же сущую в себѣ немощь, и никако же чюа ея, обрѣт же премножества гноя от рукы его исшедшу. // И от того часа *л 105 об* бысть рука его здрава, яко николи же болѣв. Сиа же он видѣ скорое свое исцеление молитвами святых, славу въссылая Христу Богу и угодником его.

Таже[18] иное чюдо велие съдѣвася преподобными онѣми святыми и великими отци Сергием и Германом. Бысть убо пред малыми лѣты преже сказаннаго чюда. Он предииименитый игумен Пимин, иже святых онѣх мощи пренесе и свѣтлую их с похвалою паметь узаконоположи — сей убо игумен Пимин близ трапезы монастыря того келию келарю създати въсхотѣ, да всегда готов будет к порученней ему службѣ, ради всегда приходящих гостей. Сему же бывшу, келию ону създа съ всякым приуготованием, но не у* еще в ней живяху. Бѣ же нѣкто муж, живый за озеромь от манастыря того яко бы верст 40, в мѣсте Соломенском тако нарицаемѣм, именем Феодор, скуделник сый хитростию, бѣ же человѣк той благочестив, с боязнию Божию живый. Сему же Феодору явись сицево: зрит убо // себя *л 106 об* в превелицей той Валамстей обители на манастыри, яко грядет к велице церкви, и се у келии оноя, юже предиреченный игумен постави[19] близ трапезы, два святолѣпна старца в велицѣй славѣ. Сему же видѣвшу таковое, и пристрашен быв от видѣниа их. Старцом же онѣм именем възвавшим его. Сему же пришедшу, сице глаголати к нему начаста: «Иди, — рече — и повѣж игумену: мы есмя началникы монастыря сего Сергий и Герман. Възвести же ему сиа, да не повелит в келии той жителствовати. Мѣсто бо

---

[18] *В ркп.* аже, *перед словом оставлено место для киноварной буквы.* [19] *В ркп.* остави, *первая буква заклеена при подклейке угла.*

то свято есть, преже бо ту стоя церкви Рожества Христа Бога нашего». Таже к полуденнѣй странѣ възрѣста и рекоста: «Се есть и другое прежнее мѣсто церковное, без именованиа стоит. Да повелит убо игумен на обоих тѣх церковных мѣстех животворящиа святыа кресты водрузити». И показаста рукою к гостиннѣй келии. Таже рекоста: «Вѣсть бо о мѣстех тѣ* старец Ипатей — того игумен да въпросит. Рци же сиа игумену, да не повелит в келии той жити, да не праведный Божий гнѣв въздвигнут на ся». И сиа
л. 106 об. рекоста и невидими быша. // Той же убо предиреченный Федор от чюднаго того видѣниа въспрянув, по сугубому ихь завѣщанию скоро в манастырь прииде и повѣда игумену вся сиа. Игумен же въпроси предиреченнаго старца Ипатиа, его же повелѣ сиа святии въпросити. Он же рече, яко на полуденнѣй странѣ близ гостинныа келии до пожара ту крест въдружен стоя. Повѣдаша же прежнии многолѣтнии старци, яко ту первоначалнаа церкви стоя. Игумен же сиа слышав удивися, хвалу святым и преподобным отцем всылаа, яко неотступно о мѣсте том пекущеся; и по повелѣнию их тако устрои.

Третие[20] еже съдѣанное ими чюдо повѣмь, таже слово препокою, да не слухы ваша отяготят множество повѣстей. Бысть убо пред малыми лѣты преже реченнаго игумена Пимина, в святей обители той игумен Кирил. Случи же ся ему диаволим съвѣтом враждовати на всѣх ту живущих о Христѣ братию, и тако игуменства отречеся. И к архиепископу в Великый
л. 107 Нов град иде, // и тамо многые клеветы изнесе на живущую в манастыри том братию. И посланника испроси, да с нужею онѣх старцов на суд приведет, и свое оболгание оправдает, и святей той обители пакость и стором* сътворит. Сицеваа умысли предииименитый игумен Кирил, надѣя бо ся мимо правды на власти смертныа, многыи бо стяжа пособникы от боляр святейшаго архиепископа. Но великые онѣ своей обители бессмертныа заступникы вышнему Царю предстояще, съвѣт того игумена тлѣнный празден и поруган показаша. Егда бо той игумен Кирил повелѣ посланнику вяще 40 старцов монастыря того в Великий Нов град привести, не точию бо державных манастыря того, но и многолѣтных, иже никако же вѣдущих о волнении том, но точию преданнѣй молитвѣ внимающе. Бысть же превелик ужас на всѣх живущих в манастыри том, и плач от святых онѣх многолѣтных старцов, иже никако же от обѣщаниа своего к мирскым изыдоша. И тако
л. 107 об. к ше//ствию готовяхуся. Бысть же сице: яви нощию нѣкоему духовну старцу и многолѣтнему,[21] яко бы в велицей той церкви святаго Преображениа, идеже нетлѣнное[22] тѣло святаго Германа лежа* — бо тогда в церкви бысть преподобный Герман. Зрит убо самого того святаго от своего гроба въставша и с жезлом из церкви грядуща и сице глаголюща: «Не терплю прочее слез чад своих, но иду с ними к брату моему Сергию, да избавимь их от належащиа бѣды». И тако невидим бысть. Бѣ бо еще тогда мощи святаго Сергиа в Велицем Новѣ градѣ. Старець же от видѣниа того вспрянув, чюдяся бывшему, и възвести таковое прочим братиам. Егда же приидоша в Великый Нов град, предииименитаго же игумена Кирила ложное его оболгание и прочиа его мятежи явственѣ открышась пред архиепископом же и боляры. Он же посрамлен и поруган в словесѣх своих явись,
л. 108 архиепископ же сущую ту братию с миром отпусти. // Скоро приидоша вси в свой им манастырь [23] без никоея же пакости, благодаря ... и угодников

---

[20] *В ркп.* ретие — *перед словом оставлено место для киноварной буквы.* [21] *Испр.; в ркп.* многулѣты. [22] *В ркп. край у корешка заклеен, читается:* тлѣнное. [23] *В ркп. читается:* мана... *Здесь и далее утраты текста, край листа оборван.*

его Сергиа и Германа. ... убо точию три чюдеснаа их въспомянух в славу прославлшему их в Троици славимому Богу, ему же буди слава и честь и покланяние въ вся вѣкы и на вѣкы. Аминь.

(ОР ГБЛ собр. Разумовского, № 73, л. 87—108)